

- Интервью с Жаком Деррида // Мировое древо. Вып. 1. М., 1992.
- Коровин А.В. Современная скандинавская литература // Современная Европа. 2007. Вып. 3.
- Муравьев Ю. Веселая наука. [Электронный ресурс]. URL: www.scepsis.net
- Новикова Л. Культура. Книги за неделю. [Электронный ресурс]. URL: www.kommersant.ru
- Парандовский Я. Алхимия слова. М., 1990.
- Поллен Г. Несколько слов о норвежской литературе: этапы становления норвежского литературного творчества // Иностранная литература, М., 2005. № 11.
- Фрейман Н.Г. Издание современной норвежской литературы в России на примере произведений Юстейна Гордера и Эрленда Лу // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 344.
- Хализев В.Е. Теория литературы. М., 2002.
- Яусс Х.Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. М., 1995. № 12.
- Hear N. Booknotes // Philosophy. 1996. Vol. 71. № 275.
- «Sofies Welt» wird als Wiener Gratisbuch verteilt. [Электронный ресурс]. URL: www.wien.orf.at
- Ziolkowski Th. Philosophy into fiction // The American Scholar. 1997. Vol. 66. № 4.

Источники

Gaarder J. «Sofies Verden», 1991

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР ПРИАМУРЬЯ В ЗАПИСЯХ М.К. АЗАДОВСКОГО

Л.Е. Фетисова

Ключевые слова: М.К. Азадовский, Приамурье, песенный фольклор, региональная традиция.

Keywords: M.K. Azadovskiy, Priamurye, folk songs, regional tradition.

Становление дальневосточной фольклористики как полноценной составляющей отечественной науки связано с деятельностью М.К. Азадовского, литературоведа, этнографа, фольклориста, искусствоведа и библиографа. Полевые материалы и наблюдения исследователя получили высокую оценку специалистов, занимавшихся собиранием и изучением русского народного творчества на юге российского Дальнего Востока. Объективный анализ результатов его Амурской экспедиции содержит публикация С.И. Красноштанова,

вышедшая в 1972 году [Красноштанов, 1972, с. 88–103]. Однако надо признать, что фольклорно-этнографические материалы М.К. Азадовского до сих пор не вошли в научный оборот в полном объеме. Цель данной статьи – дать характеристику научного наследия М.К. Азадовского, связанного с исследованием народно-бытовой культуры старожильского населения Приамурья, показать значимость этого периода его деятельности для развития дальневосточной фольклористики.

Марк Константинович Азадовский (1888–1954) родился в Иркутске в семье чиновника горного ведомства. В 1913 году окончил Санкт-Петербургский университет. Среди его учителей были такие известные российские ученые, как акад. А.А. Шахматов, профессор И.А. Шляпкин и С.А. Венгеров. По окончании курса М.К. Азадовский был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Научную работу он начал еще студентом, принимая участие в фольклорно-этнографических экспедициях Общества изучения Сибири. С 1916 года входил в состав редколлегии журнала «Живая старина». Преподавал в Читинском институте народного образования, Томском, Иркутском, Ленинградском университетах; руководил Восточно-Сибирским отделением Русского географического общества; был инициатором создания фольклорно-этнографического журнала «Сибирская живая старина» [Жирмунский, 1958, с. 3–18].

Научное наследие М.К. Азадовского связано с широким кругом проблем отечественной филологии. Его перу принадлежат труды о русском фольклоре, о писателях-декабристах, о Пушкине, Лермонтове, Тургеневе и других классиках русской литературы. Фундаментальная обобщающая монография в 2-х томах, посвященная истории русской фольклористики, увидела свет уже после смерти автора. В ряду его научных интересов особое место занимало собирание и изучение дальневосточного фольклора. Этот интерес был отнюдь не случайным: отец М.К. Азадовского, Константин Иннокентьевич, в начале XX века работал в Хабаровске и принимал активное участие в культурной жизни города [Андриец, 2014, с. 220].

Летом 1913 года, еще будучи студентом филологического факультета, М.К. Азадовский по собственному почину и на личные средства обследовал казачьи поселения от станицы Радде до Хабаровска. Зимой 1914 года он повторил поездку уже по поручению Отделения русского языка и словесности Академии наук [Азадовский, 1914б]. Основной целью экспедиции являлся сбор местного фольклора, но попутно удалось записать около 2000 диалектных слов. Эти

материалы хранятся в картотеке Словаря русских народных говоров в Санкт-Петербурге [Кирпикова, 2010, с. 66].

Собирая фольклорный материал, М.К. Азадовский за два полевых сезона записал около 1500 текстов, среди них 2 былины целиком и несколько фрагментов, около 50 заговоров, несколько десятков похоронных причитаний, более 1000 различных песен (в том числе около 90 свадебных). К сожалению, от рукописного наследия ученого осталась лишь малая часть: его полевые дневники погибли в 1918–1919 годах. Уцелевшие материалы были переданы в рукописные отделы Государственной библиотеки им. В.И. Ленина в Москве (ныне – Российская государственная библиотека), Института русской литературы (Пушкинского дома) в Санкт-Петербурге, а также в Архив РАН (СПб.) [Жирмунский, 1958, с. 4]. Экспедиционные материалы частично были использованы самим собирателем при написании статей, посвященных отдельным фольклорным жанрам: заговору, частушке, исторической песне, но большинство сохранившихся текстов остается достоянием архивов.

Анализ рукописного наследия М.К. Азадовского показал, что серьезное внимание он уделил семейно-обрядовому фольклору, восходящему к традициям старожильского населения Сибири. По его мнению, на новом месте произошло разрушение былой цельности свадебного комплекса. М.К. Азадовский отметил стяжение ритуалов предсвадебного периода, сокращение «слезных причитаний», замену ряда магических действий игровыми. Исследователь с сожалением констатировал, что если и «правят свадьбу по старинке», то выражается это лишь в организации свадебного поезда, в приготовлении ритуальных блюд, в бытовании отдельных обрядовых действий, например «косокрашения». Старинные девичники, продолжавшиеся неделями, поездки на кладбище с приглашением покойных родителей на «сиротскую свадьбку» и многое другое практически исчезли [Архив РАН, л. 15].

Тем не менее, в материалах М.К. Азадовского находим и причитания невесты, и песни, обращенные последовательно ко всем членам семьи, и величание всех участников обряда: *«Уж вы, улицы, метитесь»*, *«Уж вы дайте путь-дороженьку»*, *«Красно солнышко на восходе»*, *«Петухи вы ранни певчие»*, *«Вы сборы, вы сборы невестины»* и другие. Давая характеристику свадебного репертуара, ученый подчеркивал, что песни, являющиеся вариантами родственного забайкальского фольклора, поражают своей художественностью и глубиной чувства.

В сватовстве участвовали родители юноши и девушки, сваты, иногда сам будущий жених. Центральной фигурой была сваха: *«Пришла я к вам, сватушко, просвататца з добрым делом, ващу дочку за своего сынка. Подумайте да роднитца будем»* [Архив РАН, л. 15]. Когда родители давали согласие, накрывали стол с выпивкой от той и другой стороны. Если молодые люди не были знакомы, устраивались смотрины. Нередкими были случаи, когда решение принималось главой семьи единолично: *«Запрягаю я лошадь, а он [сын] дома, работат. Не знат ишо, каку ему невесту сватать буду. Я то уш по породе поишшу»* [Архив РАН, л. 6]. В казачьей среде женить сына старались до выхода на службу, чтобы в семье оставалась лишняя работница.

Обряд «зарученья» являлся своеобразным закреплением договора о браке. Иногда жених и невеста обменивались кольцами и подарками при зажженных свечах, с молитвой, сопровождая все действия с носовым платком: один конец платка держал отец, другой – мать, третий и четвертый – молодые. За «зарученьем» следовал «девишник», участников которого созывали «зваты» – подружки невесты, а на свадьбу гостей приглашал мальчик верхом на коне. Данный обычай можно отметить как сословно окрашенный элемент казачьей культуры.

Комплекс обрядов, посвященных прощанию невесты с прежней жизнью, родителями и отчим домом, длился от нескольких дней до нескольких недель, необходимых для приготовления к свадьбе. Приданое помогали готовить подружки. Одним из значимых эпизодов девичника было ритуальное мытье невесты в бане, которое обычно совершалось в субботу. Сопровождая подругу в баню, девушки пели:

*Уж вы, улицы, метитесь,
Переулочки, скребитесь,
Городами становитесь,
Городами с пригородышами,
Теремами с притеремышами.
Хоробер едет жених-господин,
На добром на батюшковом коне...* [Архив РАН, л. 28].

Песни следующего эпизода девичника – расплетания косы и «раздавания красоты» – имели печальную тональность. Присутствующие, которых приглашали соответствующими песнями, поочередно участвовали в этом действе. Затем так же выкликалась мать и другие родственники. Когда коса была расплетена, невеста раздавала ленты подругам.

В день венчания в доме жениха готовился свадебный поезд. Каждый из поезжан имел свои обязанности. Главная роль принадлежала «обручнику», или дружке. Он руководил свадебным поездом, а затем – свадебным застольем. Кроме того в его обязанности входило отправление магических действий, носивших осторожный характер, а также выкуп девичьей косы. Лишь после этого жених со свитой получал невесту и отправлялся в церковь.

После венчания новобрачную «окручивали»: сваха заплетала ей волосы в две косы и повязывала голову платком. Затем начинался свадебный пир, так называемые «хмельные столы». На следующий день застолье продолжалось («похмельные столы»). Как правило, завершалась свадьба скромным «чаевым столом». Песни, звучавшие в доме жениха, по эмоциональному настрою были противоположны печальным песням, исполнявшимся в доме невесты. Здесь царила приподнятая праздничная атмосфера. Все восхваляли молодого:

*То сидит наш князь молодой,
Светит над ним Матерь Божья,
Батюшкино благословение,
Матушкина молитва свята* [Архив РАН, л. 28].

Экспедиционные материалы свидетельствуют о том, что свадебная обрядность старожилов Приамурья и в начале XX века отличалась свойственной севернорусской традиции «прощальной» направленностью стержневых ритуалов и соотнесенностью главных элементов обряда с территорией жениха [Этнография..., 1987, с. 405]. Записи М.К. Азадовского позволили Г.Г. Ермак, изучавшей семейный быт уссурийских казаков, говорить о последующем сохранении приамурских традиций в фольклоре старожилов-уссурийцев [Ермак, 2004, с. 81].

Большую ценность представляет информация М.К. Азадовского о такой своеобразной сфере семейной обрядности, как похоронно-поминальная. О бытовании причитаний сообщали многие наблюдатели, однако плачей, по сравнению с другими жанрами, в собраниях фольклористов немного, так как осуществлять запись в момент отправления обряда затруднительно по причинам этического порядка. К сожалению, среди утраченных материалов М.К. Азадовского были и тексты причитаний. Единственный сохранившийся образец, записанный на фонограф, был передан исследователем в Славянский отдел библиотеки Академии наук. По просьбе собирателя казачка Шестакова с хутора Кукелевского

Михайло-Семеновской станицы Амурской области воспроизвела слышанный ранее от соседки плач по малолетнему сыну:

*Уж как же эта беда случилася,
Уж ты, милой мой сыночек,
Уж я думала, ты будешь мне заменочка,
Уж я думала, ты будешь мне покликаночка,
Уж я думала, ты будешь мне порастушечка,
Уж я думала, ты будешь мне посылочка,
Уж я думала, ты будешь мне помочушка...*

[Русский семейно-обрядовый фольклор..., 2002, с. 365].

Исполнительница оценила прежде всего поэтический дар вопленицы: *«Так причитывала, что я и не слыхивала. Чево только не перебрала – и все так складно было»*. В связи с этим собиратель отметил: «Такого рода замечания приходилось мне, впрочем, слышать неоднократно и от других лиц, как на Амуре, так и на Лене» [Русский семейно-обрядовый фольклор..., 2002, с. 323]. Впервые текст был опубликован в сборнике «Ленские причитания» в 1922 году и благодаря этому вошел в научный оборот.

Среди сохранившихся материалов М.К. Азадовского специального внимания заслуживает историческая песня, посвященная второму сплаву по Амуру войск и грузов, когда небольшому отряду казаков во главе с есаулом П.П. Пузино удалось предотвратить высадку английского десанта в заливе Де-Кастри. Осенью 1855 года корабли англо-французской эскадры совершили нападение на Де-Кастри и Аян, но атаки были успешно отбиты, что и послужило основанием для рождения соответствующего героико-эпического сюжета. По данным военных историков, эта неудача стала темой оживленных прений в английском и французском парламентах. Особенно были обескуражены англичане, считавшие себя лучшими моряками в мире. Резким нападкам подверглось поведение адмирала Стерлинга и командора Эллиота, не сумевших объективно оценить возможности защитников Де-Кастри. Героико-эпический образ командира Амурского пешего казачьего полубатальона П.П. Пузино был создан в строгом соответствии с требованиями жанра:

*Перед зводом-то отец,
Пузинов наш молодец...*
[Азадовский, 1916, с. 170].

«Песнь о переселении...» называлась «амурской» и часто исполнялась пожилыми казаками за работой или на гулянье. Скорее всего, «казацья эпопея» (определение М.К. Азадовского) создавалась

поэтапно, возможно, даже разными авторами. Некоторые эпизоды явно представляют собой поздние вставки и не соответствуют историческим фактам, например, упоминание о «взятии» Айгуня:

*Муравьева дожидали
И трактату получали,
Мы трактату получали,
Айгунь город-то мы взяли...*
[Азадовский, 1916, с. 167].

По-видимому, эти строки родились под влиянием представлений новейшего времени об участии казаков в последующих победоносных военных походах. Можно утверждать, что это произведение – один из последних образцов русской исторической песни.

С сожалением приходится признавать, что восточные регионы России рассматривались в прошлом и нередко рассматриваются до сих пор исключительно как колонизируемая окраина, культурное пространство которой не может иметь самостоятельной ценности. Такое отношение можно видеть и в научном сообществе, в частности, среди фольклористов, готовивших четырехтомное издание исторических песен. В завершающем томе, по мнению его составителей, «представлены все основные сюжеты, связанные с различными событиями русской истории первой половины XIX века» [Исторические песни..., 1973, с. 5], однако в раздел, посвященный Восточной кампании, «Песнь о переселении на Амур» не была включена.

Необрядовый репертуар в материалах М.К. Азадовского был представлен разнообразием песенной лирики. В 1913 году он записал около 100 исторических, разбойничьих, военных песен и более 200 собственно лирических – «проголосных», плясовых, игровых. Тексты большинства из них не сохранились, но список, составленный по первым песенным строкам, дает представление о жанровом составе необрядовой лирики. Можно заметить, что молодежные хороводы-«игранчики», генетически связанные с сибирской традицией, имели в Приамурье особенное распространение. Это наблюдение впоследствии подтвердил Л.Е. Элиасов, руководитель фольклорной экспедиции 1968 года: «В Сибири, пожалуй, нет ни одного района, где бы бытовало столько песен этого жанра» [Элиасов, 1970, с. 362].

В записях М.К. Азадовского находим и тексты заговоров. Этот речитативный жанр мало представлен в материалах дальневосточных фольклористов в силу особой закрытости сферы его бытования. Ученому удалось зафиксировать достаточно широкую область

использования заговорных формул. В начале XX века самый большой удельный вес приходился на «медицинские» заговоры: от лихорадки, от грудных болезней, от младенческого испуга, от «хомута» (болезни мочевых и половых органов), для остановки кровотечения. Последнее было весьма актуально для воинского сословия, которому сопутствовали ранения в ходе боевых действий. По этой причине широкое распространение получили простейшие заговорные формулы, имевшие древнее происхождение и не требовавшие специальных знаний. Один из таких заговоров был записан М.К. Азадовским в станице Михайло-Семеновской. *«Ездит царь стар, под им конь карь, по жылам кроф стань, на пол ни капь. (При этом нужно плюнуть в кровь)»* [Азадовский, 1914а, с. 7]. Большой интерес вызывают заговоры, возникшие непосредственно в казачьей среде и предназначенные для предохранения воина от ранения и для защиты его оружия от порчи (примечательно, что речь идет преимущественно об огнестрельном оружии). Это свидетельствует о продуктивности жанра, о его способности откликаться на новые реалии.

Вполне традиционными надо считать хозяйственные заговоры, в частности, от причинения вреда посевам и от болезней скота. В данной сфере наблюдается прямая связь с крестьянской культурой. В начале большинства заговоров находим преамбулу, обычно используемую знахарями как свидетельство их принадлежности к православной вере: *«Стану я, раб божий..., благословясь, пойду, перекрестясь...»* Наряду с этим встречаем устойчивые формулы, восходящие к дохристианским верованиям; это, в частности, зачины так называемых «присушек» и «отсушек». Один из текстов прямо увязан с восточным регионом: *«Как у реки Омуру...»* [Азадовский, 1914а, с. 6]. Зачин другого заговора указывает на то, что языческий характер действий ясно осознавался пользователями: *«Стану не благословясь, пойду не перекрестясь...»* [Азадовский, 1914а, с. 6]. Подобная информация, полученная из достоверного источника, дает объективное представление о повседневной жизни дальневосточников в начале XX столетия.

Характеризуя научное наследие М.К. Азадовского, нельзя обойти его собрание частушек. Более 500 текстов хранятся в архиве Института русской литературы в Санкт-Петербурге. Эти материалы убедительно свидетельствуют о том, что дальневосточная традиция обладает определенной самостоятельностью по отношению к европейской и в то же время, являясь ее естественным продолжением, имеет много общих с ней черт. Записи М.К. Азадовского подтверждают мнение тех ученых, которые являются сторонниками теории позднего формирования жанра частушки. Новая песенная форма была

востребована временем, ее появление было подготовлено всем ходом предшествующего развития русского фольклора, который с XIX века находился в тесном взаимодействии с литературным творчеством профессионалов, что вызвало резкие изменения внутри ранее стабильной поэтической системы народной песенности. Этот процесс Б.Н. Путилов назвал «перерывом постепенности в фольклоре», который, по мнению ученого, «обозначает исторические рубежи в его развитии и, очевидно, связан с перерывами постепенности в истории этносов, с коренными переменами в социальной, бытовой, культурной жизни и в сознании коллектива» [Путилов, 1976, с. 190].

Исследования С.Г. Лазутина убедительно показали, что характерная для частушки форма четверостишия родилась не сразу; ее становлению предшествовало бытование аморфных многострочников, генетически связанных с долгой песней. В европейской части страны этот процесс проходил в середине XIX века [Лазутин, 1960]. Именно в то время началось целенаправленное освоение Приамурья, которое сопровождалось «перерывом постепенности» в естественном течении культурных процессов. В результате в начале XX века на восточной окраине империи М.К. Азадовский зафиксировал явления, ставшие историей для территории метрополии. В коллекции собирателя наряду с классическим катреном находим трех-, пяти- и даже семистрочные куплеты. Однако, по-видимому, нечетное число строк в строфе уже воспринималось как некий художественный изъян, поэтому исполнители растягивали тексты путем повтора одной из строк:

*Сонцо закатаетца,
Мать с отцом ругаитца.
Не ругайся, мать с отцом,
Не расстанусь с молодыцом,
Не расстанусь с молодыцом,
Обручилась с ним кольцом*
[Фетисова, 1982, л. 104].

По словам наблюдателя, название «частушка» на Амуре практически не встречалось, монострофические песни-припевки там чаще всего называли «пароходными прибаутками» [Азадовский, 1913], что было связано с особым значением для края пароходного сообщения:

*Пароходы зимовали,
С парохотским зналася,
Пароходы убежали,
Сиротой осталася...* [Фетисова, 1982, л. 103]

Собранные М.К. Азадовским частушки уже в наши дни дали возможность воссоздать историю распространения этого жанра на юге Дальнего Востока России и показать специфику региональной частушечной традиции [Фетисова, 1982].

Таким образом, анализ экспедиционных записей М.К. Азадовского показал правомерность тезиса, что именно этот ученый положил начало серьезным исследованиям русского фольклора южной части российского Дальнего Востока. Его материалы и наблюдения, а также последующие публикации свидетельствуют о том, что к началу XX века в Приамурье сложилась своеобразная устно-поэтическая традиция, не только впитавшая материнский фольклор первопоселенцев, но и получившая дальнейшее развитие на основе местных реалий. Данное положение наиболее убедительно подтверждается, во-первых, наличием разных вариантов исторической песни о защите залива Де-Кастри от англо-французской эскадры в 1855 году, и, во-вторых, оригинальностью текстов амурских частушек. Утрата значительной части коллекции М.К. Азадовского, несомненно, является невосполнимой потерей для науки, но и сохранившиеся материалы по-прежнему остаются важнейшим источником, позволяющим оценить самобытность фольклорной культуры региона, а также осознать ее значение для стабилизации общественных и семейных отношений на далекой окраине в начальный период ее освоения.

Литература

- Азадовский М.К. Амурская «частушка» // Приамурье. Хабаровск, 1913.
Азадовский М.К. Заговоры амурских казаков // Живая старина. Петроград, 1914а. Вып. 3–4.
Азадовский М.К. Отчет о поездке по Амуру // Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Петроград, 1914б.
Азадовский М.К. Песнь о переселении на Амур // Сиб. архив. Минусинск, 1916. № 3–4.
Андреев Г.А. История культурной жизни городов юга Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX века). Владивосток, 2014.
Ермак Г.Г. Семейный и хозяйственный быт казаков юга Дальнего Востока России. Вторая половина XIX – начало XX века. Владивосток, 2004.
Жирмунский В.М. М.К. Азадовский: биографический очерк // Азадовский М.К. История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1.
Исторические песни XIX века. Л., 1973.
Кирпикова Л.В. Лингвистическое источниковедение Приамурья. Марк Азадовский // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск. 2010. Вып. 8.
Красноштанов С.И. Амурская экспедиция М.К. Азадовского // Вопросы русской, советской и зарубежной литературы. Хабаровск, 1972. Т. 1.

Лазутин С.Г. Русская частушка: вопросы происхождения и формирования жанра. Воронеж, 1960.

Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976.

Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока. Свадебная поэзия. Похоронная причетъ. Новосибирск, 2002.

Фетисова Л.Е. Дальневосточная частушка и некоторые проблемы истории и поэтики жанра. Владивосток, 1982.

Элиасов Л.Е. Амурский фольклор. Благовещенск, 1970.

Этнография восточных славян: Историко-этнографические очерки. М., 1987.

Источники

Архив РАН (СПб.). Ф. 9. Оп. 1. Д. 993.

ЛИ ЦИНЧЖАО: ПОЭЗИЯ И ГЕНДЕР В СРЕДНЕВЕКОВОМ КИТАЕ

Ю.Г. Смертин

Ключевые слова: Китай; эпоха Сун, поэзия-цы, Ли Цинчжао, лирика, гендер.

Keywords: China, Song era, Ci-poetry, Li Qindzhao, lyrics, gender.

Ли Цинчжао (1084–ок.1155) является единственной женщиной-поэтом, известной всем почитателям традиционной китайской поэзии. В императорском Китае были и другие поэтессы, но их творчество известно только узкому кругу специалистов, а лирические стихи Ли Цинчжао высоко ценились при ее жизни и цитируются до сих пор.

Поэтическое творчество Ли Цинчжао невозможно изучать в отрыве от исторического, социального и культурного контекста эпохи. Но прежде нужно сказать о месте поэзии в духовной жизни китайского общества. В классической поэзии Китая сосредоточивались и философия, и этика, и политика, и многое другое; она была фокусом культуры. Поэты были мыслящим слоем общества, или, точнее, этот слой состоял из поэтов разной степени одаренности. Это было связано не только с тем, что стихосложение входило в государственный экзамен для занятия чиновничьей должности, но и с общим для китайских интеллектуалов всех времен поэтическим восприятием природы и человека как части